

УДК 82.09; 821.111
ББК 83.3 (4)

Е.Е. Рябчикова

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
СМЫСЛ
РОМАНА ИВЛИНА ВО
«ПРИГОРШНЯ ПРАХА»**

Предпринимается попытка культурологической интерпретации романа Ивлина Во «Пригоршня праха» сквозь призму конфессионального выбора писателя между католицизмом и протестантством. Утверждается, что в раскрытии богоискательского опыта писателя ключевую роль играет символика романа, связанная с фаустовским («готическим») культурным кодом Европы, мотивом паломничества и теологемой града Божьего, восходящей к трактату средневекового богослова Августина.

Ключевые слова: *Во, «Пригоршня праха», католичество, протестантство, готика, град Божий.*

DOI 10.23683/1995-0640-2017-2-26-32

Рябчикова Екатерина Евгеньевна – аспирант кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
Тел.: 8-911-470-98-04
E-mail: ryabchikova_ekaterina@mail.ru

© **Рябчикова Е.Е., 2017.**

В 1930 г. английский писатель И. Во перешёл из англиканства в католичество, считая, что именно эта религия является единственной опорой в мире хаоса. Вскоре после этого события он почувствовал необходимость объяснить английскому обществу причины своего обращения в католичество, что он и сделал в статье «Converted to Rome: Why it Has Happened to Me» (1930), которая позволяет понять, что думал и чувствовал И. Во в 1930-е гг., а также прояснить его восприятие современной западной цивилизации. Прежде всего, писатель приводит рациональные, философско-исторические аргументы в пользу принятия католичества, отмечая, что он сделал это по собственной воле и не считал, что его новая вера будет накладывать какие-либо ограничения на его художественные и публицистические работы, напротив, он придерживался мнения, что, если «человек обладает живым умом, то именно римский порядок может и должен стать основой для его интеллектуальной и художественной деятельности» (Цит по: [Gallagher, p. 103]).

В статье И. Во также размышляет о сущности и будущем современной западной цивилизации. Согласно И. Во, проблемы современного мира неразрывно связаны с вопросами религии: «Мне кажется, что на настоящем этапе истории Европы главный вопрос стоит не о выборе между католицизмом и протестантизмом, но между христианством и хаосом» (Цит по: [Gallagher, p. 103]). Противопоставляя религию хаосу, Во подчеркивает, что христианство является

для него олицетворением порядка, стабильности и постоянства. Далее он рассматривает и определяет понятие «цивилизация». Западная цивилизация, по Во, – это «искусство и нравственное устройство Европы», которые порождены христианством и без него не выживут (Цит по: [Gallagher, p. 104]). Под христианством Во подразумевает именно римское католичество: «Римская католическая церковь – это единственная истинная форма христианства. И христианство – это главный формирующий элемент западной культуры» (Цит по: [Philips, p. 54]).

По И. Во, состояние упадка европейской цивилизации 1930-х гг. объясняется утратой у европейцев искренней веры в Бога: «христианство сейчас нуждается в боевой силе больше, чем за долгие века» (Цит по: [Gallagher, p. 104]). Писатель видит спасение в римском католичестве, потому что это учение в целом «гармонично и согласовано», обладает «определенной организованностью и дисциплиной» (Цит по: [Gallagher, p. 104]), т. е. в целом даёт чёткую и проверенную временем систему координат среди хаоса окружающей действительности.

Роман «Пригоршня праха», написанный в 1934 г., четыре года спустя после принятия автором новой религии, по мнению М. Бреннана, становится первым явно католическим романом И. Во, в основе которого лежит скрытый тезис об изначально греховной природе человека [Brennan, p. 50]. Название романа расшифровывается в эпитафии и отсылает нас к поэме Т.С. Элиота «Бесплодная земля». Как справедливо замечает Е.Г. Воскресенская, «пригоршня праха – это просто пыль, которую малейшим дуновением ветра унесет, рассыплет... это не только персонажи романа и их жизни, это еще и “ценности” современного общества» [Воскресенская, с. 96], т. е. уже с самого начала автор настраивает нас на восприятие темы общества «упадка и разрушения», обозначенной в первом романе писателя.

Источником для «Пригоршни праха» послужил рассказ И. Во «Человек, который любил Диккенса» (1933). Идея написать рассказ о человеке, который, оказавшись в ловушке в джунглях, закончил свои дни, читая вслух романы Диккенса, пришла автору в голову после знакомства с одиноким поселенцем в Британской Гвиане. «После публикации рассказа идея не оставила меня. Я хотел понять, как пленник оказался там, и в конце концов это всё вылилось в исследование других видов современных дикарей и беспомощного положения среди них цивилизованного человека» [Waugh, 1980, p. 373]. И. Во искусно соединил рассказ с романом, прибегнув лишь к незначительным изменениям текста, переименовав Пола Хенти в Тони Ласта, а мистера Мак-Мастера – в мистера Тодда.

Главный герой, аристократ Тони Ласт (говорящая фамилия: «last» с английского – «последний»), уже с самого начала повествования противопоставляется остальным членам высшего общества своим эскапистским образом жизни. Аббатство Хеттон служит ему своеобразным убежищем от мира современной цивилизации. Само слово «аббатство» содержит намёк на готический стиль и свидетельствует по умолчанию, что

это сооружение было построено ещё до отделения англиканской церкви от католической. Для И. Во «готика являла собой квинтэссенцию европейской культуры и незыблемых христианских ценностей... в одном из поздних интервью он заявил, что “был бы счастлив... в тринадцатом веке” – времени расцвета готического стиля» [Мельников, с. 12]. В романе замечается, что поместье было полностью перестроено в 1864 г., т. е. в викторианскую эпоху, когда в архитектуре Великобритании господствовал неоготический стиль, имитирующий формы и особенности средневековой готики, а религией стало англиканство. В теме готического стиля у Во прослеживается идея О. Шпенглера. По Шпенглеру, готика является архитектурным выражением «фаустовской культуры» на её ранней (средневековой) стадии и трактуется как универсальный европейский стиль: «Готика охватывает всю жизнь до самых ее сокровенных уголков. Она сотворила нового человека, новый мир. От идеи католицизма до государственной идеи немецких императоров, от рыцарских турниров до облика только-только возникающих городов, от кафедральных соборов до крестьянских очагов, от синтаксиса языка до подвенечного наряда деревенской девушки, от масляной живописи до песен странствующих музыкантов – на всё наложила она отпечаток языка единой символики» [Шпенглер, с. 405]. Неоготика, в свою очередь, – это уже форма без содержания, т. е. стадия цивилизации.

Герой романа, не понимая существенной разницы между этими двумя стилями, испытывает чувство благоговения перед перестроенным, лишенным обаяния старины и комфорта поместьем. Воображая себя средневековым лендлордом, он каждые выходные посещает англо-католическую церковь, но читателю становится понятно, что для Тони это всего лишь привычка, своеобразный «ритуал», не имеющий содержания: во время молитвы он механически повторяет движения, витая мыслями «где-то далеко, с событий прошлой недели перескакивая на будущие планы» [Во, с. 207]. Абсурдные, далёкие от реальности проповеди Преподобного Тендрила, пастора местной церкви, с одной стороны выражают закоснелость и бесполезность англиканства (напомним, что Во считал римское католичество единственной истинной формой христианства), а с другой стороны, отражают общую картину мира в «Пригоршне праха», в котором люди по привычке повторяют определённые действия, давно утратившие для них своё изначальное содержание. В системе координат романа проповеди Тендрила не более абсурдны, чем бездумное посещение Тони церкви или лишенный всякого смысла адюльтер его жены Бренды. Таким образом, неудивительно, что Тони, предаваясь скорби после трагической смерти сына, отвергает помощь своей церкви, неспособной дать ему реальное утешение: «Я, собственно, хотел только поговорить с ним [пастором] о похоронах. А он пытался меня утешать. Крайне мучительно... В конце концов, в такое время меньше всего хочется беседовать о религии» [Во, с. 285].

Тони отправляется в экспедицию на другой конец земного шара, в Бразилию, на поиски загадочного Града (the City). Примечательно, что

на английском языке в репликах Тони первые несколько раз используется слово «a city» («I am looking for a city» [Waugh, 2005, p. 156]), а уже позднее «the City» («Tony wedged himself firm in his bunk with the lifebelt and thought of the City» [Waugh, 2005, p. 165]), т. е. сначала слово использовалось скорее в значении «город», а потом уже «град». Это противопоставление наталкивает нас на мысль, что Во обращается к теологемам Блаженного Августина о граде земном («the Earthly City») и граде небесном («the City of God»). Августин пишет: «Итак, два града созданы двумя родами любви: земной – любовью к себе, доведенную до презрения к Богу, а небесный – любовью к Богу, доведенную до презрения к самому себе» [Бл. Августин, с. 704]. Жители града небесного живут по слову Господа, жители града земного придерживаются человеческой морали, которая не соответствует Божественной. Смысл жизни людей в граде земном – сделать всё, чтобы оказаться в граде Божиим. При этом Августин Блаженный называет град Божий «странствующим градом». Поскольку град Божий внутри души человека, то границы между градом земным и градом небесным являются прозрачными: «Ибо эти два града переплетены и взаимно перемешаны в настоящем веке, пока не будут разделены на последнем суде» [Бл. Августин, с. 56]. И. Во, на письме отразив изменения в сознании своего героя («a city» – «the City»), показывает нам, что Тони стремится оказаться в граде Божиим, но в этом одновременно заключается и ирония автора, ведь, согласно Августину, чтобы туда попасть, не нужно путешествовать, град Божий внутри нас. Эта истина открывается Тони в лихорадочном бреде в джунглях: «– Но как же я попаду в град, если останусь здесь? – Град будет подан в библиотеку, сэръ» [Во, с. 365].

Ошибка Тони заключается в том, что для него град – это не христианство, а готика, преображенный Хеттон. За эту ошибку И. Во уже с самого начала обрекает экспедицию своего героя на неудачу. Компания Тони погибает в джунглях, а сам он заболевает тропической лихорадкой: «Тони оторвал взгляд от карт и увидел за деревьями крепостной вал и зубчатые стены града, он был совсем рядом. Геральдический флаг на надвратной башне трепал тропический ветер.... Из-за блистающих стен неслась музыка: не то процессия, не то карнавальное шествие обходило стены.... Перед ним распахнулись ворота; со стен трубили трубачи, с бастиона на бастион на все четыре стороны света передавали весть о его приходе; в воздухе кружились лепестки миндального и яблоневого цвета, устилая путь ковром, как после летней бури в садах Хеттона. Золоченые купола и белоснежные шпили сверкали под солнечными лучами. – Град подан, – объявил Эмброуз» [Во, с. 365 – 366].

По ироническому замыслу И. Во Тони попадает отнюдь не в «землю обетованную», а к безумцу мистеру Тодду (Todd), которому герой будет вынужден до конца своих дней читать вслух романы Ч. Диккенса, став своего рода «живым мертвецом». Фамилия этого персонажа является говорящей: «Tod» в переводе с немецкого значит смерть, а с шотландского означает «лис», «лиса» [Klein, p. 1623]. Шотландское происхождение

слова не кажется нам случайностью, ведь в рассказе «Человек, который любил Диккенса», этот персонаж также носил шотландскую фамилию – Мак-Мастер (McMaster), которую можно трактовать как «хозяин» или «господин». То есть в имени мистера Тодда автор закодировал для Тони мотив «смерти от лисы». Образ лисы здесь не случаен, ведь любимое поместье Тони, Хеттон, в конце романа превращено его наследниками в зероферму по разведению черно-бурых лисиц.

Такая концовка вызывает неоднозначную трактовку среди современных ученых. Е.Г. Воскресенская рассматривает эту сцену в положительном свете: новый наследник, Тедди, выбрал себе комнату под названием «Галахад» (Галахад – рыцарь Святого Грааля, который освобождает от заклęcia бесплодную землю), что в трактовке И. Во, по мнению Е.Г. Воскресенской, значит, что он сможет «спасти себя, своих родных от морального разложения, духовного упадка и опустошения» [Воскресенская, с. 98]. Похожим образом высказывается и Эдвард Лобб: «Тедди выбрал своей спальней... “Галахад”. Возможно, ... он окажется стойким рыцарем и найдет Грааль; возможно, Last станет глаголом [с англ: «to last» – «длиться»], а не прилагательным [«last» – «последний»] и род продолжится» [Lobb, p. 140]. Джон Х. Уилсон, напротив, считает такую интерпретацию «на удивление обнадеживающей» [Wilson, p. 211], принимая во внимание описанное автором упадническое состояние поместья. Джером Мекер усматривает в таком конце сочетание «бесцельности и неостановимого упадка» [Meckier, p. 187]. Позволим себе согласиться с последними двумя исследователями и интерпретировать концовку в пессимистическом свете по причине того, что сам И. Во в письме к своему другу пояснял идею романа: «Мой план был изобразить готического человека в руках дикарей – сначала это миссис Бивер и остальные, затем настоящие дикари, а в конце – черно-бурые лисицы в Хеттоне» [Stannard, 1984, p. 157]. В западной христианской традиции лиса является синонимом дьявола; использование подобной религиозной символики в конце романа, на наш взгляд, не позволяет истолковывать финал позитивным образом. Что касается идеи Тедди-спасителя, связанной со спальней под названием «Галахад», то этот эпизод представляется нам иронией автора.

«Пригоршня праха», являясь переломным произведением в карьере писателя, отражает трансформацию художественного стиля И. Во. Текст, несомненно, представляет собой широкое поле для интерпретации, местами весьма неоднозначной. Католицизм, протестантизм, «готический» культурный код Европы, богоискательство, августинова теологема Града Божьего – вот лишь некоторый проанализированный нами культурологический фон романа. В перспективе исследования представляет интерес латиноамериканский культурный код, который, с одной стороны, тесно связан с католицизмом, а с другой – с культурными традициями автохтонного населения индейцев.

Литература и источники

- Блаженный Августин. О Граде Божием.* Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 1296 с.
Во И. Мерзкая плоть. Пригоршня праха. Возвращение в Брайдсхед: романы: пер. с англ. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 700 с.
Воскресенская Е.Г. Интертекстуальные включения в произведениях И. Во: дис... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 234 с.
Мельников Н.Г. Ивлин Во, священное чудовище английской литературы. // *Во И. Мерзкая плоть. Пригоршня праха. Возвращение в Брайдсхед:* романы. М.: АСТ, 2009. С. 5–16.
Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Гештальт и действительность / пер. с нем, вступ. ст. и примеч. К. А. Савсыяна. М.: Мысль, 1988. 663 с.
Brennan Michael G. Evelyn Waugh: Fictions, Faith and Family. Bloomsbury Academic, 2013. 192 p.
Gallagher D. (ed.). Evelyn Waugh, The Essays Articles and Reviews of Evelyn Waugh. London: Methuen, 1984. 662 p.
Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Vol. I: A-K. Amsterdam: Elsevier Publishing Company, 1966. 1776 p.
Lobb E. Waugh Among the Modernists: Allusion and Theme in A Handful of Dust // *Connotations* Vol.13.1-2, 2003/2004. P. 130–144.
Meckier J. Why the Man Who Liked Dickens Reads Dickens Instead of Conrad: Waugh's A Handful of Dust // *Novel: A Forum on Fiction*. Vol. 13.2, 1980. P. 171–187.
Philips Gene D. Evelyn Waugh's Officers, Gentlemen, and Rogues. Chicago: Nelson-Hall, 1975. 180 p.
Stannard M. Evelyn Waugh: The Early Years, 1903-1939. London: Paladin Grafton Books, 1988. 537p.
Stannard M. (ed.) Evelyn Waugh: The Critical Heritage. London: Routledge, 1984. 537p.
Waugh E. A Handful of Dust. М.: Юпитер-Интер, 2005. 288 с.
Waugh E. Prose. Memoirs. Essays. М., 1980. 440 с.
Wilson J. Howard A Question of Influence and Experience: A Response to Edward Lobb // *Connotations* Vol.14.1–3, 2004/2005. P. 205–212.

References

- Blazhennyi Avgustin. *O Grade Bozhiem*. Minsk: Kharvest, M.: AST, 2000. 1296 p. (In Russ.).
 Brennan Michael G. *Evelyn Waugh: Fictions, Faith and Family*. –Bloomsbury Academic, 2013. 192 p.
 Gallagher D. (ed.). *Evelyn Waugh, The Essays Articles and Reviews of Evelyn Waugh*. London: Methuen, 1984. – 662 p.
 Klein E. *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Volume I: A-K*. Amsterdam: Elsevier Publishing Company, 1966. –1776 p.
 Lobb E. Waugh Among the Modernists: Allusion and Theme in A Handful of Dust. *Connotations*. vol.13.1-2, 2003/2004, PP. 130–144.
 Meckier J. Why the Man Who Liked Dickens Reads Dickens Instead of Conrad: Waugh's A Handful of Dust. *Novel: A Forum on Fiction*, vol. 13.2, 1980, pp. 171–187.

Melnikov N.G. *Iolin Vo, sviashchennoe chudovishche angliiskoi literatury.* // Vo I. Merzkaia plot'. Prigorshnia prakha. Vozvrashchenie v Braidskhed: romany. M.: AST, 2009, pp. 5–16. (In Russ.).

Philips Gene D. *Evelyn Waugh's Officers, Gentlemen, and Rogues.* – Chicago: Nelson-Hall, 1975. 180 p.

Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. T. 1. Geshtalt i deistvitelnost.* / Per. s nem, vstup. st. i primech. K. A. Savsiana. M.: Mysl, 1988. – 663 p. (In Russ.).

Stannard M. *Evelyn Waugh: The Early Years, 1903-1939.* London: Paladin Grafton Books, 1988. 537 p.

Stannard M. (ed.) *Evelyn Waugh: The Critical Heritage.* London: Routledge, 1984. 537 p.

Vo I. *Merzkaia plot'. Prigorshnia prakha. Vozvrashchenie v Braidskhed:* romany: per. s angl. M.: AST: AST MOSKVA, 2009. 700 p. (In Russ.).

Voskresenskaia E.G. *Intertekstualnye vklucheniia v proizvedeniiakh I. Vo: diss. kand. filol. nauk.* Barnaul, 2004. 234 p. (In Russ.).

Waugh E. *A Handful of Dust.* M.: Iupiter-Inter, 2005. 288 p.

Waugh E. *Prose. Memoirs. Essays.* M., 1980. 440.

Wilson J. Howard A Question of Influence and Experience: A Response to Edward Lobb, *Connotations*, vol.14.1-3, 2004/2005, pp. 205–212.

Ekaterina E. Ryabchikova (Kaliningrad, Russian Federation)

Cultural Context in Evelyn Waugh's «A Handful of Dust»

The author makes an attempt to analyze Evelyn Waugh's novel «A Handful of Dust» in the light of Waugh's choice between Catholicism and Protestantism. It is claimed that the writer's God-seeking experience can be understood through the symbols in the novel, which are connected to Faust («Gothic») cultural code of Europe, a motive of pilgrimage and Augustine of Hippo's idea of *The City of God*.

Key words: *Waugh, «A Handful of Dust», Catholicism, Protestantism, Gothic, the City of God.*

Ekaterina E. Ryabchikova – post-graduate student. Historical linguistics, foreign philology and documentation dpt. I. Kant Baltic Federal University. Phone: 8-911-470-98-04; e-mail: ryabchikova_ekaterina@mail.ru